

Чжэньнань-ван надавил пальцем на другое место:

— Вашему Величеству не нужно терпеть.

Цзи Цзиньжун понял, что сейчас будет еще больнее, и невольно накрыл ладонь Чжэньнань-вана своей, пытаясь его остановить. Почувствовав, что рука, лежащая на тыльной стороне его ладони, стала влажной, Чжэньнань-ван усмехнулся:

— Осталось совсем немного. Ваше Величество — мужчина, не бойтесь боли.

Цзи Цзиньжун, колеблясь, разжал пальцы. Чжэньнань-ван слегка помассировал руку, отчего Цзи Цзиньжун ощутил ломоту и онемение. В тот момент, когда он расслабился, Чжэньнань-ван внезапно усилил нажим.

Цзи Цзиньжун вскрикнул от боли, из глаз брызнули слезы:

— Больно!

Чжэньнань-ван вытер слезы, выступившие у него в уголках глаз, и произнес:

— Только так будет толк. Ваше Величество, попробуйте пошевелить рукой, разве она не стала гораздо послушнее, чем прежде?

Цзи Цзиньжун с сомнением пошевелил правой рукой и обнаружил, что она действительно стала намного гибче, словно все меридианы внутри были прочищены. Хотя он и злился на самоуправство Чжэньнань-вана, но все же умел ценить добро. Он буркнул:

— Спасибо.

Чжэньнань-ван ответил:

— Зачем Вашему Величеству благодарить меня? Все, что я делаю для Вас, — мой долг. — Он пристально посмотрел на Цзи Цзиньжуна. — Если Ваше Величество позволит, я могу прочистить Вам все меридианы в теле...

Цзи Цзиньжун настороженно отозвался:

— Не нужно!

Одна лишь мысль о том, что Чжэньнань-ван будет мять и нажимать на все его тело, вызвала у него содрогание.

Чжэньнань-ван говорил так благопристойно, словно у него и в мыслях не было ничего дурного:

— Как пожелаете. Вашему Величеству уже перевалило за шестнадцать, для начала занятий боевыми искусствами это поздновато. Но если Вы хотите преуспеть в стрельбе из лука или

верховой езде, Вам придется потерпеть подобные мучения.

Цзи Цзиньжун:

— ...

Вспомнив о разнице в их росте, телосложении и силе, Цзи Цзиньжун почувствовал, как его маленькое сердце получило тяжелый удар. Он нахмурился:

— Поговорим об этом позже.

Он лучше найдет кого-нибудь другого для подобных экспериментов...

Чжэньнань-ван прищурился. Он знал своего императора. Тот был не из тех, кто смиренно ждет гибели. И дело было вовсе не в этой легкой боли — даже перед лицом куда больших трудностей его император не моргнул бы глазом. А раз он отказывается, значит, либо не доверяет ему, либо разгадал его слишком явное желание. С характером его императора он точно не упустит возможности стать сильнее.

Чжэньнань-ван предупредил:

— Ваше Величество, это мой секретный метод, никто другой им не владеет.

Он мог смириться с тем, что у Цзи Цзиньжуна есть несколько доверенных евнухов и приближенных, но на этом все. Он ни за что не допустит, чтобы кто-то другой касался тела Цзи Цзиньжуна — даже если это тело было лишь «заимствованным».

Цзи Цзиньжун:

— ...

Неужели он произнес это вслух?

Чжэньнань-ван совершенно бесцеремонно остался на обед.

— На юге я наловил немало фазанов и зайцев, а еще диких оленей и ящеров. Ваше Величество, хотите посмотреть? — спросил он.

Цзи Цзиньжун не проявил к этому особого интереса и покачал головой.

Чжэньнань-ван продолжил:

— Я также привез двух знаменитых южных поваров. Они — мастера в приготовлении дичи. Как только они пройдут проверку на Императорской кухне, я велю им приготовить что-нибудь для Вас.

Как только он закончил говорить, он заметил, что глаза Цзи Цзиньжуна слегка загорелись, словно в них вспыхнул крошечный огонек.

Цзи Цзиньжун сохранил невозмутимое лицо:

— Благодарю за внимание.

Что смотреть на фазанов и зайцев? Куда лучше, когда их подают на стол, чтобы он мог ими насладиться! Цзи Цзиньжун решил добавить Чжэньнань-вану несколько баллов. Этот парень, кажется, не так уж и противен.

Чжэньнань-ван улыбнулся и сел рядом с Цзи Цзиньжуном, чтобы очистить для него краба. Цзи Цзиньжун с удивлением смотрел на сваренного докрасна крупного краба. Пахло от него, конечно, аппетитно, но можно ли вообще есть эту твердую красную штуку? Кажется, в Великой Чжоу никто такого не ел.

Чжэньнань-ван извлек крабовую икру и мясо из клешней, смешал с соусом и пододвинул к Цзи Цзиньжуну.

— Я хотел, чтобы на Императорской кухне все подготовили заранее, но Ваше Величество должны знать, что едят. Этот способ приготовления пришел с юга и сейчас очень популярен в столице, хотя на Императорской кухне его пробуют впервые. Такое лакомство лучше всего есть, когда цветут хризантемы, — Чжэньнань-ван заботливо налил ему маленькую чашечку вина, — выпейте немного, чтобы согреть желудок.

Цзи Цзиньжун замер. Подобное поведение Чжэньнань-вана было ему совершенно непонятно. Неужели тот поддерживал прежнего императора на троне только потому, что искренне любил его? Но ведь тот так боялся, что до самой смерти не замечал чувств Чжэньнань-вана... Тогда прежний император погиб слишком несправедливо.

— Ваше Величество? — позвал Чжэньнань-ван.

Цзи Цзиньжун пришел в себя, взял палочки, подцепил кусочек крабового мяса и, обмакнув в соус, попробовал. Мясо оказалось нежным, а соус придавал ему особый вкус, который идеально перебивал легкий рыбный запах, присущий морепродуктам. Он улыбнулся Чжэньнань-вану:

— Неплохо.

Чжэньнань-ван не сводил с него глаз и, увидев довольную улыбку, принялся за второго краба. Его тон был таким доверительным, словно они были старыми добрыми друзьями:

— Мясо краба нежно, но оно холодное по своей природе, много есть нельзя, обязательно нужно запивать желтым вином. Икра тоже хороша, если Вашему Величеству нравится, в ближайшие дни я велю приготовить пельмени с крабовой икрой. Когда сезон пройдет, вкус уже будет не тот.

Цзи Цзиньжун как раз доел кусочек икры, находя вкус превосходным. Услышав о новом блюде, он снова просиял, и в его голосе зазвучала радость:

— Хорошо.

Видя, что Цзи Цзиньжун ест с удовольствием, Чжэньнань-ван и сам почувствовал радость. Конечно, он знал, что любит Цзи Цзиньжун, но тело того было слишком слабым, чтобы позволить ему есть все подряд. Поэтому он не мог, подобно остальным, тайком приносить ему ароматные лакомства, потакая маленьким гастрономическим прихотям.

Жаль, что это тело до сих пор так слабо, иначе он мог бы отправиться с ним в путешествие по стране, чтобы отведать все деликатесы Севера и Юга. Пока Цзи Цзиньжун не согласится на его помощь в прочистке меридианов и укреплении тела, придется довольствоваться тем, что его подчиненные разыскивают лучших поваров и ингредиенты.

Чжэньнань-ван быстро разделался с оставшимися тремя крабами.

Цзи Цзиньжун:

— ...

— У Вашего Величества слишком слабое здоровье, много есть нельзя, — Чжэньнань-ван смерил его взглядом с ног до головы. — Если Ваше Величество позволит мне прочистить все меридианы...

Цзи Цзиньжун тут же перестал смотреть на него и, храня молчание, потянулся палочками к другим блюдам, всем своим видом показывая: «Мне очень нравятся эти блюда, и я вовсе не хочу есть больше крабов».

Чжэньнань-ван усмехнулся. Его император был просто очарователен.

Обед прошел на удивление мирно. Насытившись, Чжэньнань-ван заговорил о делах в Гоцзыцзяне. Цзи Цзиньжун был слегка удивлен: неужели Чжэньнань-ван решил обсуждать с ним государственные дела?

Словно прочитав его мысли, Чжэньнань-ван объяснил:

— Раньше Ваше Величество много страдали, тело было слишком истощено, и я не хотел Вас утомлять, поэтому взял на себя смелость решать государственные вопросы. Теперь же, когда Ваше Величество поправились, чтение докладов не составит труда. — Его голос звучал

искренне. — Я готов вернуть власть Вашему Величеству.

Цзи Цзиньжун был по-настоящему поражен. Неужели он его проверяет? Будь он на его месте, он бы ни за что не отдал уже захваченную власть. Кто знает, может, стоит ему сказать «хорошо», как Чжэньнань-ван тут же его прикончит.

Цзи Цзиньжун ответил:

— Я... — он сам признался в своей слабости, — за-заикаюсь.

Сердце Чжэньнань-вана сжалось от боли. Даже обладая способностью выбирать миры, он все равно не смог дать Цзи Цзиньжуну абсолютно здоровое тело. В тех мирах, где он бывал, он не то чтобы не мог заставить систему прислать Цзи Цзиньжуна раньше, просто те тела были настолько никчемны, что даже если бы он переместился, ему было бы не лучше, чем прикованному к постели больному.

— Это неважно, — сказал Чжэньнань-ван, глядя на него. — Ваше Величество, никто не посмеет и слова сказать. А если у кого возникнут возражения, я помогу ему отправиться в путь.

Сердце Цзи Цзиньжуна дрогнуло. Он поднял голову и встретился с серьезным взглядом Чжэньнань-вана. Тот внезапно протянул руку и аккуратно вытер крошечное пятнышко масла с его губ.

Атмосфера внезапно стала двусмысленной. Видя, что Цзи Цзиньжун изумленно смотрит на него, Чжэньнань-ван, не в силах сдержать порыв, наклонился и поцеловал его в гладкий лоб. Отстранившись лишь на мгновение, он прошептал:

— Ваше Величество, я готов сделать для Вас что угодно. Лишь бы...

Цзи Цзиньжун почувствовал, как по коже пробежали мурашки, а место поцелуя нестерпимо жгло. Он резко вскочил и отступил на несколько шагов, подальше от Чжэньнань-вана. Тот не стал настаивать.

Он знал меру и, глядя на Цзи Цзиньжуна, произнес:

— Ваше Величество, я удаляюсь.

Цзи Цзиньжун был в смятении. Хотя он был старше прежнего императора на несколько лет, он никогда не познал любви. Напористость Чжэньнань-вана одновременно пугала и сбивала с толку. Он остро чувствовал, что скрывается за этим «лишь бы». Если цена избавления от нынешнего положения — «удовлетворение» Чжэньнань-вана...

Цзи Цзиньжун слегка сжал кулаки. Слишком нагло! Это все равно что разбойник отнял у тебя все вещи, а потом заявил, что любит тебя, и если ты примешь его «любовь», он вернет тебе твое добро. Разве это любовь? Этот разбойник слишком много о себе возомнил, решив, что все

блага должны достаться ему!

Цзи Цзиньжун прогулялся, чтобы растряссти еду, и прилег отдохнуть. Проснувшись, он увидел Хэ Тая, дежурившего рядом. Евнухи, как обычно, вереницей вошли, чтобы помочь ему одеться и умыться.

— Ваше Величество, Чжэньнань-ван просит Вас пройти в Зал Циньчжэн, — доложил Хэ Тай.

— Хорошо, — ответил Цзи Цзиньжун.

В его нынешнем положении идти на открытый конфликт с Чжэньнань-ваном было невыгодно. Лучше продолжать эту игру — вдруг удастся найти выход? А еще лучше — попытаться выяснить, является ли Чжэньнань-ван «тем самым человеком». А если нет, то где же он? Если он не сможет остановить того, кто разрушает этот мир, он не вернется в свое время и не получит здоровое тело.

Может ли Чжэньнань-ван быть «тем самым»? Цзи Цзиньжун не был уверен. До сих пор он понимал, что на самом деле очень мало знал о Вэй Тинцзюне. Перед ним Вэй Тинцзюнь всегда был честным и прямолинейным, и только когда он упоминал о передаче трона, тот приходил в ярость. В остальное время он лишь строго следил, чтобы к его столу не попадала вредная для здоровья пища.

Хотя Цзи Цзиньжун постоянно ругал Вэй Тинцзюня «мятежным подданным», в глубине души он считал его тем самым простодушным юношей, который рос рядом с ним. Но мог ли простодушный юноша держать в узде всех чиновников? Мог ли внушать страх соседним государствам? О некоторых вещах он слышал, но подсознательно не хотел верить. Он предпочитал верить Вэй Тинцзюню, который всегда был рядом.

Если Чжэньнань-ван действительно тот «могущественный субъект», о котором говорила система, то сейчас перед ним предстала иная сторона Вэй Тинцзюня, которую он никогда прежде не видел. Сторона, которую Вэй Тинцзюнь никогда ему не показывал.

Цзи Цзиньжун сжал кулаки и велел Хэ Таю:

— Веди.

Сказав это, он почувствовал, как это нелепо: быть императором и не знать, где находится Зал Циньчжэн, в котором решаются государственные дела. Прежний император действительно был в неведении — вынужденном неведении.

Подойдя к залу, Цзи Цзиньжун помедлил и переступил порог. Окна по обе стороны были распахнуты. Сейчас был сезон цветения хризантем, и снаружи все пестрело от их ярких красок. Казалось, будто здесь собрались все цветы мира.

Цзи Цзиньжун сразу увидел Чжэньнань-вана, который сидел за столом и просматривал доклады. Заметив его, тот поднялся:

— Ваше Величество пришли.

Он обошел груды докладов, похожую на небольшую гору, и подошел к Цзи Цзиньжуну с искренним выражением лица:

— Теперь я могу отдохнуть.

Цзи Цзиньжун:

— ...

— Столько накопилось, потому что я почти полмесяца провел на юге, — утешил его Чжэньнань-ван. — В обычное время такого не бывает.

Цзи Цзиньжун смотрел на него. Чжэньнань-ван терпеть не мог этот взгляд, чувствуя, как внутри него вот-вот вырвется наружу давно сдерживаемое желание. Он не мог сказать Цзи Цзиньжуну, что с самого начала не было никакого «любимого человека», что в его глазах всегда был лишь один человек — даже если ради него придется уничтожить весь мир и погрязнуть в грехах, он все равно вырвет его из рук небес.

Потому что его император больше всего на свете ненавидел тех, кто пренебрегает небесными законами. Его император никогда не позволит ему переступить черту, которую он сам же и начертил.

Но это уже не Великая Чжоу, и его император больше не прикован к постели. Многие вещи он больше не желал терпеть и сдерживать. Для его императора с момента их разлуки прошли считанные дни, но для него самого — целые жизни. Тоска, растущая с каждым днем, давно свела его с ума. Эту черту он обязан был перейти.

Проработав полдня, Цзи Цзиньжун составил общее представление о делах в Великой Ци. Великая Ци и Великая Лян находились на севере, по разные стороны, и время от времени устраивали стычки. Например, сейчас Великая Лян украдкой напала на границу Великой Ци, угнала тысячу отборных скакунов, не говоря уже о зерне и прочем имуществе.

Чиновники были забавны: в своих докладах они только и твердили: «Нам нужно пересмотреть стратегию обороны» или «Я считаю, что главную ответственность должен нести военачальник». Все рекомендации сводились к одному: сместить военачальника западной границы и заменить его другим! А о том, чтобы дать сдачи, никто не проронил ни слова.

Пока существовал такой заклятый враг, как Силян, тюрки чувствовали себя вольготно. Им

даже не нужно было вступать в бой — достаточно было сидеть сложа руки и ждать, пока обе стороны станут заискивать перед ними. Нынешний предводитель тюрков был хитрецом и точно знал, как вести дела: он принимал дары и товары с обеих сторон, но помогал только слабому против сильного.

Неудивительно, что Чжэньнань-ван отправился подавлять мятежников в южных областях. Если не решить проблему там, Великая Ци окажется в окружении с трех сторон!

Беды Великой Ци заключались не только во внешних угрозах. Внутренние распри были еще хуже. Чиновники грызлись между собой, и мало кто из них думал о народе. Прежний император благоволил евнухам, что породило так называемых трех «дворцовых тигров». Лишившись мужского достоинства, они потеряли и другие интересы, кроме одного — жажды наживы. Чтобы захватывать земли и собирать богатства, эти трое в сговоре с чиновниками разоряли страну и убивали верных подданных, отчего сердца людей были холодны.

Повсюду вспыхивали восстания: народ, которому нечем было кормиться, уходил в разбойники, сопротивляясь жестокой политике двора с помощью жалкого оружия. Прежний император уже собрал пожитки и готовился бежать, когда внезапно появился Чжэньнань-ван со своим войском и подавил бунт. Увидев силу Чжэньнань-вана, император, опасаясь, что тот провозгласит себя правителем, в страхе пожаловал ему титул вана. Так в Великой Ци появился первый ван не императорской крови.

Цзи Цзиньжун собрал воедино всю картину и пришел к выводу: это государство погибло не зря. Внутри не осталось талантов, снаружи — хищные звери. Неудивительно, что страна пришла в упадок.

Глядя на это, становится понятно, что разнузданное поведение Чжэньнань-вана — не только его вина. Во-первых, он выходец из низов и не мог обладать манерами благородного мужа, воспитанного в знатной семье. Во-вторых, если бы не его внезапное появление, Великая Ци давно была бы поглощена другими, и нынешнему маленькому императору не пришлось бы становиться «правителем гибнущего государства».

По сравнению с шатким двором Великой Ци, слава Чжэньнань-вана в народе была куда выше. Он не щадил ни знатные роды, ни членов императорской семьи, а когда собственноручно казнил трех «тигров», народ ликовал. Такой Чжэньнань-ван не нуждался в оправданиях.

В смутные времена рождаются герои. Или, скорее, именно потому, что грядут смутные времена, народ ждет появления героя.

Цзи Цзиньжун спокойно закончил анализ и поднял глаза на Чжэньнань-вана. Тот тоже смотрел на него. Цзи Цзиньжун подозревал, что взгляд Чжэньнань-вана никогда не покидал его. Придя сюда, он посмотрел в зеркало и не нашел в этом лице ничего притягательного — разве что глаза и брови немного напоминали его прежний облик. Как Чжэньнань-ван «вычислил» его?

Цзи Цзиньжун отложил доклад.

— Некоторые доклады Вашему Величеству не стоит читать слишком внимательно, ничего важного там нет, — сказал Чжэньнань-ван.

Цзи Цзиньжун кивнул.

— Если Ваше Величество поскорее возьмет управление в свои руки, я смогу спокойно выступить в поход, — добавил он.

— В поход? — удивился Цзи Цзиньжун.

Чжэньнань-ван отодвинул занавесь, и перед глазами Цзи Цзиньжуна предстало нечто необычное. Взгляд Цзи Цзиньжуна сразу приковался к нему. Это был квадратный песчаный макет, на котором с помощью флажков были обозначены горы, реки и рельеф местности. Цзи Цзиньжун сразу понял, что это «поле битвы», модель для анализа военных действий.

Неужели Чжэньнань-ван относится к нему искренне? Он так открыто показывает ему вещь, столь полезную для ведения войны!

Цзи Цзиньжун отбросил сомнения и внимательно изучил макет. У него была отличная память, и он запомнил все с первого взгляда — даже если бы сейчас макет разрушили, он смог бы его восстановить.

Глаза Цзи Цзиньжуна блеснули, когда он посмотрел на Чжэньнань-вана. Это была вещь, которую тот привез из другого мира. Он знал, что Цзи Цзиньжун поймет и оценит ее. Чжэньнань-ван так долго ждал момента, чтобы показать ему это.

Сдерживая желание получить «награду» от Цзи Цзиньжуна, он взял флажок и сказал:

— Это место — прекрасная земля для выращивания рапса, масло оттуда отменное. Я прикажу поставлять его ежегодно, чтобы во дворце готовили только на нем. — Затем он воткнул другой флажок в иное место. — А здесь растут крупные и сладкие мандарины, они такие забавные, круглые и пухлые. Если успеем захватить это место до конца года, Ваше Величество сможете насладиться ими на праздник.

Цзи Цзиньжун:

— ...

Глядя, как Чжэньнань-ван описывает одно место за другим, отмечая даже, где пасутся самые упитанные коровы, чтобы захватить их и разводить скот, Цзи Цзиньжун невольно слушал. Из-за значительного сокращения населения быки были на вес золота, их берегли для пахоты, поэтому их убой был строго запрещен. Даже император не мог просто так приказать забить

пару голов — иначе его бы забросали гневными петициями цензоры.

Цзи Цзиньжун почувствовал легкое сожаление.

Чжэньнань-ван, словно прочитав его мысли, улыбнулся:

— Ваше Величество, не волнуйтесь, скоро я все это захвачу. Как раз похолодает, и Вы сможете попробовать хого...

Цзи Цзиньжун услышал новое слово.

— Хого? — с сомнением переспросил он.

Чжэньнань-ван взял его за руку, подвел к столу, взял лист бумаги и нарисовал форму хого.

<http://bllate.org/book/22178/2310778>